И.А. Царегородцева

Аль-Азхар и государственная власть в Египте: развитие отношений во второй половине XX — начале XXI в.

В Египте контроль над основными религиозными центрами принадлежит органам исполнительной власти. Не составляет исключения и аль-Азхар — один из важнейших мусульманских институтов, имеющий статус государственного. С одной стороны, государство оказывает решающее влияние на формирование религиозной идеологии в стране, а с другой — гарантирует «официальным» улемам преимущество в трактовке ислама и актуальных вопросов с точки зрения мусульманского закона. Между тем в последнее время появились новые факторы, которые по-своему влияют на отношения между аль-Азхаром и египетскими властями, не меняя, впрочем, их сути. Анализу этих факторов и посвящена данная статья.

Структура и функции аль-Азхара. Египетские власти традиционно проявляли особое внимание к аль-Азхару. Причиной этому служит, во-первых, то значительное влияние, которое он оказывает на ислам и общественные отношения, а во-вторых, его функции по подготовке религиозных кадров и как центра официальных трактовок различных вопросов и событий с точки зрения ислама.

Аль-Азхар — это целый комплекс мусульманских институтов, важнейшими из которых являются университет с одноименным названием, а также Академия мусульманских исследований (*Маджма' ал-бухус ал-исламийя*), которая издает фетвы. Основными документами, определяющими статус и функции современного аль-Азхара, являются закон № 103 «Об организации аль-Азхара»[1] (1961 г.) и исполнительный устав № 250 закона «Об организации аль-Азхара»[2] (1975 г.). Статья 2 закона № 103 гласит: «Аль-Азхар является высшим научным исламским институтом, который хранит мусульманское наследие, занимается его изучением, претворением в жизнь и распространением. Он несет свет послания ислама ко всем народам; содействует раскрытию истины ис-

1 | http://ar.jurispedia.org/index.php/قانون_تنظيم_الأزهر_الشريف_(eg)
2 | http://www.egypt-man.net/vb/t27093.html

лама и его влияния на прогресс человеческой цивилизации; гарантирует безопасность и спокойствие всем людям в земной и небесной жизни. Среди целей аль-Азхара — «изучение цивилизационного, научного и идейного наследия арабов и доказательство его влияния на развитие человечества и прогресс, а также подъем нравственного и интеллектуального уровня мусульман, их науки и искусства, привнесение вклада в общественные процессы и достижение национальных и общечеловеческих целей и духовных ценностей. Аль-Азхар также обязуется обеспечивать мусульманский мир и арабское отечество специалистами в сфере шариатских наук, религиозной и национально-арабской культуры, языка Корана». Из университета аль-Азхар, как это свидетельствует из его устава, выпускаются «образованные и просвещенные в духе ислама специалисты-богословы, демонстрирующие веру в Господа и в себя, силу духа, теоретические, практические и профессиональные способности, необходимые для утверждения связи между религией и жизнью, между убеждениями и образом жизни». В этой статье подчеркнута как образовательная роль аль-Азхара, так и богословская. В документах ничего не сказано о том, какое место он занимает в иерархии религиозных институтов в стране, однако верховный шейх аль-Азхара называется верховным имамом (ст. 4), т.е., по сути, высшим духовным лицом мусульманской общины Египта.

Орган, который занимается административными вопросами в аль-Азхаре, называется Верховный совет (*ал-маджлис ал-а'ла*). Он собирается как минимум раз в месяц, и в его функции входит определение общей политики аль-Азхара, развитие мусульманской богословской мысли в стране, а также управление университетом: разработка бюджета, внесение предложений о создании новых факультетов и отделений или переформировании старых, рассмотрение государственных законов, связанных с делами аль-Азхара и т.д.[3]

Верховный совет состоит из шейха аль-Азхара (который одновременно является главой Совета), его заместителей, президента университета аль-Азхар, старейших (по возрасту) деканов факультетов аль-Азхара, в том числе и в его филиалах, генерального секретаря Академии исламских исследований, советника шейха аль-Азхара по юридическим вопросам, заместителя министра по делам аль-Азхара, четырех членов Академии исламских исследований (избираются сроком на 2 года), а также заместителей министров юстиции, вакфов, образования и финансов. Таким образом, состав этого руководящего органа аль-Азхара, в который входят государственные чиновники высокого ранга, подтверждает факт непосредственного государственного участия в его деятельности.

Академия мусульманских исследований (АМИ) — это высший орган, который занимается интерпретацией различных вопросов с

3 | http://ar.jurispedia.org/index.php/قانون_تنظيم_الأزهر_الشريف_(eg)

богословских позиций, т.е. изданием фетв. В соответствии с законом № 103, в задачи АМИ входит «изучение всего, что связано с исследованиями в области ислама, а также обновление исламской культуры и очищение ее от всего ненужного и наносного, от политических пристрастий и фанатической приверженности принципам какой-либо одной из правовых школ в исламе» (ст. 15). Академия имеет наднациональный характер, поскольку в ее состав помимо 50 представителей старшего поколения богословов от всех правовых школ в исламе, входят также «до 20 богословов, не являющихся гражданами Объединенной Арабской Республики» (ст. 16)[4]. Члены АМИ составляют так называемый Совет Академии, который собирается на сессию как минимум раз в месяц для рассмотрения и принятия соответствующих вопросов в присутствии большинства его участников (ст. 21). Техническими и административными процессами внутри АМИ занимается постоянный секретариат, который состоит из генерального секретаря, его помощника (одного или нескольких), а также других сотрудников, численность которых определяется объемом выполняемой ими работы (ст. 23).

Что касается университета аль-Азхар (*гами'ат аль-азхар*), то ему, в соответствии с положениями закона № 103, отводится задача подготовки религиозных мусульманских кадров. Статья 33 гласит: «Специализацией университета аль-Азхар является все, что относится к сфере высшего образования, а также сопряженные с ним исследования». В остальном цели университета повторяют цели всей структуры под названием аль-Азхар (см. ст. 2).

Таким образом, аль-Азхару отведено важное место в системе религиозных институтов АРЕ. Это подтверждает также и тот факт, что на протяжении практически более чем тысячелетней истории своего существования аль-Азхар представлял собой одно из центральных звеньев, связывающих между собой государство и общество Египта. Современную же историю аль-Азхара принято отсчитывать с середины 1950-х гг., когда к власти в стране пришли революционные силы во главе с Гамалем Абдель Насером.

Религиозная политика Насера и реформа аль-Азхара. Программа «Свободных офицеров», совершивших антимонархический переворот летом 1952 г., предусматривала преобразования практически во всех сферах жизни государства и общества. Власти необходимо было не просто заручиться поддержкой мусульманского духовенства как одной из наиболее влиятельных групп египетского социума, но и добиться от него гарантий того, что религиозная идеология в стране будет соответствовать преобразованиям в духе провозглашенного ею арабского социализма. Для достижения этой цели правящие круги решили использовать метод централизации в отношении духовенства и религиозных институтов.

4 | ОАР — Объединенная Арабская Республика, в состав которой входили Египет и Сирия.

В 1955 г. были отменены религиозные суды (мусульманские, христианские и иудейские), что привело к значительному снижению участия духовенства в процессе судопроизводства. Далее в 1956 г. в распоряжение Министерства вакфов (*визарат аль-аукаф*) была передана собственность, находившаяся до этого в ведении религиозных учреждений, что, с одной стороны, подорвало экономическую основу мечетей и их служителей, а с другой — поставило их деятельность под финансовый и административный контроль государства. С этого момента все должностное духовенство стало назначаться соответствующими органами государственной власти, а текст пятничной проповеди (*хутба*) стал единым для всех мечетей и составлялся в Министерстве вакфов [Шарипова, 1972, с. 78–79].

Однако основное внимание властей было приковано к главному исламскому институту страны — аль-Азхару. Республиканские власти намеревались превратить аль-Азхар в надежный богословский рупор идей арабского социализма и насеровских реформ, а также распространить через него свои идеи за пределами Египта, в других странах арабо-мусульманского мира. Для этого необходимо было не только централизовать этот институт, но и вывести его на новый уровень развития. Закон № 103 «О реформировании аль-Азхара» затрагивал два основных аспекта жизнедеятельности аль-Азхара, первый из которых был связан с его взаимоотношениями с органами государственной власти, а второй — с изменениями его внутренней структуры. Однако необходимо прежде указать, что представлял собой аль-Азхар до реформы.

Финансовая независимость аль-Азхара была подорвана еще во времена Мухаммада Али, когда контроль над вакуфным имуществом улемов перешел в руки государства. В административном плане аль-Азхар частично был поставлен под контроль властей. Так, государство обладало правом диктовать свою волю в составлении учебных курсов и программ экзаменов в университете аль-Азхар. Закон 1872 г. утвердил программу преподаваемых предметов и порядок проведения экзаменов. «Этот закон был первым практическим шагом в организации упорядоченного и контролируемого процесса в Аль-Азхаре», пишет Р.М. Шарипова [Там же, с. 44]. В 1888 и в 1896 гг. государственными указами в учебную программу университета были введены новые предметы, а в соответствии с законом 1936 г. ректор университета стал назначаться королем из числа наиболее влиятельных улемов. Иными словами, уже до принятия закона № 103 аль-Азхар обладал значительной административной и финансовой зависимостью от органов власти и был тесно с ними связан.

Закон 1936 г. призван был регулировать отношения аль-Азхара и королевского режима. С приходом республиканских властей встала необходимость юридически закрепить уже устоявшуюся традицию институциональной зависимости аль-Азхара от государства, но уже в новых условиях, когда страной правил не монарх, а президент. Эту задачу

и должен был решить закон «Об организации аль-Азхара». В отличие от всех предыдущих законов, касающихся статуса и функционирования аль-Азхара, он значительно расширил сферу зависимости этого религиозного института от органов власти. Не только ректор университета, но и все ключевые фигуры аль-Азхара отныне стали назначаться президентом АРЕ. Так, сегодня главе государства принадлежит право назначения претендентов на следующие позиции: заместителей шейха аль-Азхара заместителей (ст. 7), генерального секретаря Верховного совета (ст. 11), членов Академии мусульманских исследований (ст. 18), президента (ст. 41) и генерального секретаря (ст. 45) университета аль-Азхар. Только по приказу главы государства внутри университета аль-Азхар могут создаваться новые факультеты, институты и школы.

Кроме того, представители исполнительной власти сами принимают участие в работе аль-Азхара. Представитель Министерства воспитания и образования входит в Совет университета аль-Азхар (ст. 47), это же министерство участвует в разработке методологических пособий университета (ст. 92), а также программы экзаменов (ст. 93). Министр по делам аль-Азхара имеет право: устанавливать необходимые критерии для потенциальных членов Академии мусульманских исследований (ст. 19); предлагать кандидатуры членов Академии (ст. 18); предлагать кандидатуру главы Академии (ст. 23); давать разрешение на учреждение научных институтов на основе факультетов университета (ст. 35); назначать деканов факультетов (ст. 51) и т.д.

Закон № 103 и принятый несколько позже исполнительный устав закона «Об организации аль-Азхара» закрепили не только административную, но и финансовую зависимость аль-Азхара от органов власти. Бюджет аль-Азхара является составной частью общего бюджета страны (ст. 6), размер заработной платы устанавливается государством (ст. 10), а верховный шейх имел право принимать решения о вакфах, принадлежащих преподавателям, служащим и студентам аль-Азхара, не нарушая при этом прав Министерства вакфов (ст. 6). Иными словами, ситуации, в которых инициативы сотрудников аль-Азхара в финансовой сфере не подлежат ограничению со стороны властей, крайне немногочисленны.

Структурные изменения, которым подвергся аль-Азхар после принятия закона № 103, также призваны были отвечать общим задачам государства. Страна нуждалась в новом поколении богословов, которые одинаково хорошо могли бы разбираться как в религиозных, так и в светских науках. Появление таких кадров должно было способствовать поднятию престижа богословского образования в Египте. Законом № 103 был расширен список предметов, изучаемых в аль-Азхаре, путем добавления к нему ряда светских дисциплин. Были сформированы агрономический, медицинский, экономический и инженерный факультеты.

Потеря независимости аль-Азхаром была частично компенсирована за счет увеличения финансирования его институтов. Бюд-

жет аль-Азхара вырос с 1,6 млн египетских фунтов в 1951–1952 гг. до 5,6 млн в 1963–1966 гг. Проведенная реформа значительно улучшила материальное положение преподавателей аль-Азхара, а также способствовала привлечению студентов — не только египтян, но и иностранцев. В 1965 г. в различные мусульманские страны разъехалось более 2 тысяч выпускников этого университета [Полонская, 1984, с. 104].

Политизация аль-Азхара. В отличие от монархического периода, республиканские власти добивались не только контроля над религиозными центрами страны, но и того, чтобы они сыграли свою роль в революционных преобразованиях. Требовалась не пассивное непротивление, как ранее, но активное участие. Это в том числе обусловило то обстоятельство, что при относительно одинаковых условиях зависимости аль-Азхара от монарха и республиканских властей уровень политизации этого института при последних оказался значительно выше. При Г. Насере улемы аль-Азхара один за другим выносили фетвы о соответствии ислама и особых принципов социализма, выдвинутых президентом республики в качестве новой господствующей идеологии — арабского социализма. А бывший глава аль-Азхара — Махмуд Шалтут (1958–1963) — заявил, что все, кто не разделяет идеи социалистического развития страны, не могут именовать себя подлинными приверженцами ислама [Там же, с. 99]. Стоит отметить, что в начале XX в. духовенство аль-Азхара не воспринималось как априори промонархическое. Скорее можно было говорить о его антизападной и консервативной настроенности, что в итоге и обусловило то, что в политической борьбе партии «Вафд» и короля Фуада улемы решили поддержать последнего [Шарипова, 1972, с. 60–62].

Усердие, с которым многие улемы начали отстаивать с богословских позиций идеи, ставшие им известными только с приходом к власти «Свободных офицеров», на наш взгляд, было бы неправильно объяснять лишь как результат давления — административного и финансового — со стороны властей. Среди богословов того времени было немало и представителей реформистского движения, ратовавших за проведение реформ, в том числе которые коснулись бы и устаревших догматов мусульманской веры, переставших отвечать потребностям новой эпохи. Для реформистов приход к власти «Свободных офицеров» был связан с возможностью начала долгожданных преобразований, в том числе и в духовной сфере. Со временем, когда идеи Насера стали терять свою популярность и проявились первые признаки разочарования политикой властей, среди представителей исламских кругов все чаще стало звучать недовольство зависимостью религиозных институтов от государства. «Братья-мусульмане» не раз обвиняли улемов аль-Азхара в том, что, удовлетворяя запросы властей, они забыли о запросах и интересах мусульманской уммы.

При президенте Анваре Садате власти продолжали сохранять контроль над религиозными институтами и решать ключевые во-

просы, связанные с их жизнедеятельностью. Как и Насер, Садат нуждался в поддержке духовенства, особенно той его части, которая была вовлечена в процесс формирования официальной риторики ислама в Египте. Однако, в отличие от эпохи правления Насера, в 1970-х гг. политика государства в отношении центров институционального ислама, в том числе аль-Азхара, приобрела более резкий и откровенный характер. Власть все чаще стала обращаться к официальному духовенству за богословской легитимацией своих политических решений. Причина этого заключалась прежде всего в том, что изменился сам характер государственной идеологии: на смену насеровскому панарабизму и социализму пришли идеи мусульманского единства, шариатизации, а также поворот в сторону капиталистических стран Запада. Кроме того, Садат начал диалог с исламистами, и ему необходимо было быть уверенным в том, что основная часть богословов аль-Азхара окажется на его стороне, а не на стороне радикально настроенных групп и движений.

Апогеем использования властью богословского мнения улемов аль-Азхара в политических целях стала фетва верховного шейха Гад аль-Хакка от 10 мая 1979 г. Фетва была издана под давлением Садата. Годом ранее он заключил мирный договор с Израилем, который вызвал резкое недовольство практически во всем арабском мире[5]. Текст фетвы гласил: «Вопросы войны и мира находятся в компетенции правителя (*вали аль-амр*), а Коран повелевает нам заключать перемирие с нашими врагами, если имам посчитает, что это соответствует интересам мусульман. Египетско-израильский договор не переходит границы ислама» [Alianak, 2007, p. 185].

Аналогичные по содержанию фетвы были изданы рядом других богословов аль-Азхара, а также Верховным муфтием Египта [Skovgaard-Petersen, 1997, p. 233]. Это вызвало критику среди исламистского движения в АРЕ, в том числе со стороны его умеренного крыла в лице Братьев-мусульман, по мнению которых война с Израилем — это единственный путь к освобождению Палестины [The Middle East, 1988, p. 51].

После этой фетвы стало очевидно, что процесс политизации мусульманского духовенства перешел опасную черту, как, впрочем, и вся религиозная политика Садата. 8 октября 1980 г. в годовщину Октябрьской войны он был застрелен представителями радикальной мусульманской группы «аль-Джихад». Власть в свои руки взял вице-президент Египта Хосни Мубарак, избранный через некоторое время президентом. Учитывая те экстремальные условия, в которых он принимал президентские полномочия, наиболее важной его задачей было быстрое и эффективное подавление деятельности религиозных экстремистских групп в стране. Идеологический фронт борьбы с экстремистами долж-

5 | Подробнее о египетско-израильском договоре в Кемп-Дэвиде см. например: [Примаков, 2006].

но было возглавить мусульманское духовенство. Эта задача требовала от властей ослабления своего давления на официальные религиозные институты, в том числе и на аль-Азхар.

В соответствии с законом № 102 от 1985 г., аль-Азхар стал официальным цензором всей литературы, касающейся Корана и сунны. На практике же его функции оказались даже шире — контролю со стороны Академии мусульманских исследований стали подвергаться и монографии исторического и философского содержания [de Baets, 2002, p. 191–198]. Академия также стала выступать в роли вспомогательного цензора художественной и культурно-научной литературы, чем ранее занимались исключительно государственные учреждения [Jacquemond, 2008, p. 56]. На волне борьбы с религиозным экстремизмом усилилась кооперация аль-Азхара с египетскими силами безопасности и секретными службами. Совместно с ними аль-Азхар участвовал в создании специальных конвоев (*кавафил*), предназначавшихся для ведения пропагандистской войны против молодых экстремистов в различных городах и провинциях Египта [Al-Awadi, 2004, p. 59].

В середине 1990-х гг. власти узаконили передачу АМИ контроля над художественной литературой, прозведениями искусства, аудио- и видеозаписями, которые имеют отношение к религии и могут противоречить принципам ислама. Академия получила право подвергать эти произведения цензуре, но не изымать их. Соответствующий указ № 58\63 вступил в действие в феврале 1994 г. [Ismail, 2006, p. 75–76].

Этот шаг был также обусловлен стремлением властей расширить роль аль-Азхара в борьбе против набирающих популярность радикальных исламистов и повысить эффективность цензурного аппарата.

Совместные усилия государственных институтов власти и аль-Азхара по противодействию религиозному экстремизму оказались не безуспешными: была рассекречена и ликвидирована часть подпольных ячеек радикальных исламистов, ограничен доступ исламистов к средствам массовой информации. Между тем оказать решительное сопротивление религиозному экстремизму так и не удалось. Кроме того, усиление взаимодействия между государством и аль-Азхаром обернулось резкой критикой последнего со стороны целого ряда групп и движений. Критика и обвинения в провале антиэкстремистской политики обрушились на аль-Азхар, как ни странно, и со стороны государства. Представляется, что одним из принципиальных мотивов появления напряженности в отношениях между аль-Азхаром и властями стала деятельность Гад аль-Хакка на посту верховного шейха.

Роль верховного шейха Аль-Азхара. Верховный шейх аль-Азхара — влиятельная фигура, от политики которого зависит положение мусульманской уммы в Египте. Одним из видных деятелей на этом посту был Гад аль-Хакк. Он далеко не всегда проявлял готовность поддерживать политические шаги правящего режима. Его самостоятельность наиболее ярко проявилась после убийства Садата, когда давле-

ние на официальных улемов несколько ослабло. Так, он раскритиковал призыв властей для египтян совершать поездки в Израиль и заступался за женское обрезание. По его мнению, борьба с религиозным экстремизмом в стране потому не имела должного успеха, что руководство Египта избрало для этого репрессивные меры и само погрязло в коррупции [Al-Awadi, 2004, p. 121]. В отличие от своих предшественников на посту главы аль-Азхара, Гад аль-Хакк нередко вступал в конфронтацию с другими богословами, которые, по его мнению, заботились прежде всего об удовлетворении политических запросов власти, а не интересов верующих мусульман. Речь идет о развернувшемся в эти годы противостоянии аль-Азхара и Дар аль-Ифта — египетского муфтията, который является составной частью Министерства юстиции АРЕ. В ответ на «прогосударственные» фетвы Дар аль-Ифта Гад аль-Хакк иногда издавал свои собственные фетвы.

Независимый курс верховного шейха аль-Азхара не мог не раздражать политическое руководство Египта, однако оно не решалось пойти на открытый конфликт с Гад аль-Хакком и отстранить его от обязанностей. В отличие от своего предшественника, Мубарак старался не оказывать слишком явного давления на религиозную элиту, демонстрируя свою приверженность более либеральному стилю управления. Кроме того, гораздо более актуальной задачей властей в сфере религии была борьба со внеинституциональным исламом, чем со слишком смелыми улемами, представителями институциональной религиозной власти.

Пребывание у власти в аль-Азхаре Гад аль-Хакка дало надежду на то, что аль-Азхар постепенно начнет возвращать себе утраченную самостоятельность. Однако эта надежда стала исчезать после назначения в 1996 г. новым верховным шейхом Мухаммада Сейида Тантави. По выражению канадского ученого Рана Хиршла, «назначение Тантави, безусловно, было лишь одним из эпизодов долгого и глубокого институционального и исторического процесса “национализации” аль-Азхара государственными элитами в постколониальном Египте» [Hirschl, 2010, p. 52].

Еще будучи верховным муфтием (1986–1996), Тантави зарекомендовал себя в качестве последовательного прогосударственного религиозного деятеля. Так, в конце 1980-х гг. в АРЕ стали особенно резко звучать голоса исламистов, заявлявших, что развитие банковской системы западного образца в стране нарушает принципы шариата. Государство же было заинтересовано в традиционных банках, поскольку они аккумулировали в себе значительные финансовые средства, и разрушение этой системы угрожало подорвать экономическую и финансовую основу политического режима, слишком тесно связанного с западным капиталом. В 1989 г. Тантави издал фетву, легализовавшую с точки зрения исламских принципов систему западного банкинга. Главный аргумент в поддержку западных банков заключался в том, что современные отноше-

ния между банком и депозитором представляют собой отношения типа *мудараба*, что разрешено в исламе [El-Gamal, 2006, p. 139–144]. Фетву, разрешающую использование западной банковской системы в Египте, Тантави издал еще раз в 2002 г., уже будучи шейхом аль-Азхара.

Дальнейшие решения, которые шейх Тантави выносил в виде фетв, как правило, совпадали с общим политическим курсом египетских властей. Этот курс заключался в демонстрации вовлеченности АРЕ в общие мировые процессы, важнейшим из которых был процесс демократизации, а также в демонстрации относительной мягкости официально поддерживаемой версии ислама по сравнению с тем, что предлагали исламисты. Благодаря поддержке этого курса, Тантави прослыл одним из наиболее либеральных богословов Новейшего времени. Среди его инициатив — критика женского обрезания, которое, по мнению Тантави, «не имеет отношения к исламу» (1997); фетва о допустимости нахождения мусульманок в учебных заведениях Франции без хиджаба (2003); фетва об увеличении количества условий, при которых женщина может сделать аборт (2004); фетва в поддержку решения египетских властей о сооружении стены между территорией АРЕ и оккупированным Израилем сектором Газа (2010) и др.

Характер выносимых Тантави богословско-правовых решений свидетельствует о том уровне политизации, которой подвергся аль-Азхар в последние годы. Эти решения чаще всего соответствовали курсу и духу проводимой Каиром политики, направленной на сближение с Западом, и потому нередко вызывали недовольство со стороны консервативных исламистских кругов, выступающих против вестернизации Египта. При этом в отличие от предыдущих лет, когда политизация аль-Азхара вызывала всего лишь недовольство, в последние годы ситуация стала намного сложнее. Появился целый ряд организаций и движений, не только критикующих подконтрольный властям характер деятельности аль-Азхара и оспаривавших легитимность выносимых его богословами фетв на словах, но и предлагавших свои, альтернативные, варианты богословско-правовых решений. Кроме того, в отличие от 1990-х гг., когда альтернативное богословское движение носило преимущественно радикальный характер, нынешние богословы, оппозиционно настроенные в отношении аль-Азхара и египетских властей, имеют вполне умеренную окраску. К организациям, выдвигающим альтернативные богословские мнения, относятся прежде всего Братья-мусульмане, а также «Сторонники традиции пророческих преданий» (*ансар ас-сунна*) и «Шариатское общество» (*аль-гам'иййа аш-шар'иййа*)[6]. Критики руководства Аль-Азхара активизировались и внутри самого института. В 1980-х гг. возобновил свою работу созданный в 1946 г. «Фронт улемов аль-Азхара» (*гибхат 'улама' аль-азхар*), который представляет собой наиболее консервативно настроенное крыло богословов Египта [Kienle, 2001, p. 113–114]. Для про-

6 | http://weekly.ahram.org.eg/2005/758/fo1.htm

тиводействия таким организациям и группам властям уже недостаточно одного лишь силового ресурса, как это было в случае с экстремистами в предыдущие годы.

Смерть Мухаммада Сейида Тантави в марте 2010 г. вновь подняла вопрос о необходимости введения свободных выборов верховного шейха в аль-Азхаре и разграничении государственной и религиозной деятельности. Однако дискуссии по этому вопросу так и не переросли в какую-либо общественно-политическую инициативу, и своим указом президент АРЕ Хосни Мубарак назначил главой аль-Азхара 46-летнего Ахмада ат-Тайеба — члена правящей Национал-демократической партии (до 11 апреля 2010 г.), бывшего ректора университета аль-Азхар и верховного муфтия страны.

Оппозиционно настроенные улемы и организации пока что воздерживаются от каких-либо критических комментариев в отношении нового главы аль-Азхара и заняли выжидательную позицию. «В случае ат-Тайеба пока еще рано говорить о том, будет его деятельность похожа на деятельность аль-Хакка или же Тантави», — отметил эксперт египетской независимой газеты «ад-Дустур» Абдель Мунейм Муниб[7].

Отсутствие каких-либо резких комментариев по поводу назначения ат-Тайеба — относительно положительный знак для аль-Азхара. Его фигура хорошо знакома египтянам по его деятельности на посту ректора аль-Азхара и главы Дар аль-Ифта. Поэтому тот факт, что его назначение не вызвало неприятия, несмотря на его весьма тесную связь с высшими политическими кругами АРЕ, свидетельствует о том, что в целом его назначение, получило, по меньшей мере, определенное понимание.

Пребывание у власти в аль-Азхаре Гад аль-Хакка, а затем Сейида Тантави продемонстрировало, что в последние годы личностный фактор стал оказывать определенное влияние на отношения между этим институтом и государством. Ранее он не играл особой роли, поскольку от главы аль-Азхара зависела только догматическая направленность религиозных трактовок ислама улемами. Теперь же, с момента активного включения аль-Азхара в государственные процессы, власть вынуждена более тщательно подбирать кандидатуру верховного шейха, исходя прежде всего из степени его лояльности текущему политическому курсу. Тот факт, что Ахмад ат-Тайеб на момент своего назначения главой аль-Азхара являлся членом правящей Национально-демократической партии, подчеркивает в какой-то мере озабоченность власти Египта этой проблемой. Впрочем, решающим фактором в отношениях власти в АРЕ и аль-Азхара по-прежнему остается характер институциональной зависимости последнего от государства, и пока она существует, едва ли можно говорить о каких-либо кардинальных изменениях в характере этих отношений.

7 | http://ipsnews.net/news.asp?idnews=51232

Источники и литература

Полонская, 1984 — *Полонская Л.Р.* Ислам в государственной структуре и политической жизни освободившихся стран // Вопросы научного атеизма, 1984. № 1.
Примаков, 2006 — *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006.
Шарипова, 1972 — *Шарипова Р.М.* Роль университета «аль-Азхар» в общественно-политической и идеологической жизни ОАР (АРЕ) на современном этапе. Дис. канд. ист. наук. М., 1972.
Alianak, 2007 — *Alianak S.* Middle Eastern Leaders and Islam: a Precarious Equilibrium. N.Y., 2007.
Al-Awadi, 2004 — *Al-Awadi H.* In Pursuit of Legitimacy: the Muslim Brothers and Mubarak, 1982–2000. L., 2004.
de Baets, 2002 — *de Baets A.* Censorship of Historical Thought: A World Guide, 1945–2000. L., 2002.
El-Gamal, 2006 — *El-Gamal M.A.* Islamic Finance: Law, Economics and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
Hirschl, 2010 — *Hirschl R.* Constitutional Theocracy. Harvard University Press, 2010.
Ismail, 2006 — *Ismail S.* Rethinking Islamist Politics: Culture, the State and Islamism. L., 2006.
Jacquemond, 2008 — *Jacquemond R.* Conscience of the Nation: Writers, State and Society in Modern Egypt / Translated by David Tresilian. Cairo: The American University on Cairo, 2008.
Kienle, 2001 — *Kienle E.* A Grand Delusion: Democracy and Economic Reform in Egypt. L., 2001.
The Middle East, 1988 — The Middle East: Ten Years after Camp David / Ed. by Quandt W.B. Washington, 1988.
Skovgaard-Petersen, 1997 — *Skovgaard-Petersen J.* Defining Islam for the Egyptian State: Muftis and Fatwas of the Dar al-Ifta. Leiden–New York–Köln: Brill, 1997.